

Антонина Косачёва

ПОЖИВЁМ – УВИДИМ

Барнаул,
2019

Большинство рассказов дебютной книги представляют собой сентиментальные, нравоучительные истории со счастливой развязкой. Герои духовно перерождаются, обретают мудрость, по волшебству меняют психологические привычки, становятся лучше, добрее, внимательнее, задумываются о жизни, понимают, что были неправы. Обычно на это уходит один абзац текста, скороговорка. Предшествуют перерождению адские или обыкновенные испытания, душевные дразги, ссоры, потери.

Антонина Косачёва не борется с шаблонами, выжимающими слезу, а укрепляет их, эксплуатирует волшебную сказку и притчу о блудном сыне, пишет о детях-сиротах, «особенных» детях, о чудесных, волшебных, спасительных развязках в их судьбе, играет на материнских чувствах, и, словно по обязанности, насильственно стремится разрубить все узлы, нарисовать известкой жирную черту на песке, привести героев к победе.

Это небольшая беда. Гораздо печальнее, что изложены истории длинно, неостроумно, на языке районной прессы: «Эта *идея фикс* пришла Павлу в *голову* не так давно», «Поездка не была запланирована», «...в свободное *от работы* время излазили все окрестные сопки», «...зимой друзья *занимались* горнолыжным спортом».

Это говорит не персонаж Зощенко, канцелярит которого автор доводит до хохочущего абсурда, это метод мышления прозаика, это всерьез: «Населяли старомодный особнячок в *основном* пенсионеры, люди *преклонного* возраста, *получившие* *вожде*ленную *жилплощадь* еще в советское время, когда *труд*ились на *производстве*. Теперь они *спокойно* доживали здесь свой век. Их часто можно было видеть на лавочках возле подъездов, мирно *беседовавших* между собой и с умилением *смотревших* на детишек, что играли в песочнице под *присмотром* своих мамаш».

С точки зрения технической прозаик эксплуатирует отдельные приемы Василия Шукшина. Например, создает лирическое напряжение, вводя в ткань рассказа материнское письмо, наивный документ. Проблема в том, что Шукшин искусно манипулировал различными точками зрения, незаметно, сардонически переключался между ними, избегал наивного их противопоставления, резкого монтажа, однозначных оценок, лобового морализаторства. В духе прозы двадцатого века его рассказы ничем не заканчиваются или заканчиваются «ничем».

Рассказы Антонины Косачёвой — другое дело. Они не имеют никакого отношения ни к прозе, ни к документалистике. У прозы иной язык, иной темп. Она избегает разжевывания очевидного, проговаривания благонамеренного, она не подчиняется законам жизни и законам баптистских брошюр, а лишь иллюзорно притворяется жизнью, совершая с читателем нечто вроде иглоукалывания.

Она, как дух, витает сама по себе, живет по законам языка, а не по приказу главного редактора, материнского сердца и шаблону мыльной оперы. Объяснять это журналистам районных газет бесполезно, и я лишь повторю формулу Варлама Шаламова: «Хуже всех пишут работники редакций районных газет, штатные очеркисты. Выхолощенные, бездарные претенциозные очерки-рассказы получают с каждой почтой, с отчеркнутой чернилами красной строкой, с курсивом, с многоточиями и восклицательными знаками».

Именно таким нажимом завершает автор свой сборник новелл: «А Павел смотрел на них и улыбался, мысленно представляя, как возвращается из похода в родной порт. На берегу его встречают мать, жена и... дети! Он горячо обнимает их, целует, и они вместе идут ДОМОЙ!»

Константин Гришин